

К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 9. //Правда,
Москва, 1977
FB2: Vitmaier, 2008-05-22, version 1.0
UUID: eec68cd8-8207-102b-bf1a-9b9519be70f3
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Тяжелый сон
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0011
III.....	.0016
IV.....	.0020
V.....	.0026
VI.....	.0030

**Константин Михайлович
Станюкович
ТЯЖЕЛЫЙ СОН**

Сергей Иванович Скворцов, худощавый человек лет за сорок, с старообразным, несколько утомленным лицом и с сединой в подстриженной рыжеватой бороде, был в эти предпраздничные дни в «идиллическом» настроении.

В министерство не нужно. О делах можно забыть. С визитом ни к кому. Отдыхай дома.

Он любил «дом». Ни в клуб, ни к знакомым Скворцова не тянет.

«Старый муж», как в шутку называл себя Сергей Иванович, «бессовестно» счастлив.

Еще бы!

Пять лет как он женат – и ни ревнивого подозрения, ни размолвки. Даже ни одной супружеской сцены.

И как же любит он жену! Как влюблен в эту очаровательную молодую женщину!

Скворцов нашел в ней желанную. Он не боялся значительной разницы лет между ними. Ему – сорок три, ей – двадцать семь. И, редкий счастливец, он глядел в глаза жены, стараясь угадывать ее желания, и ради ее сча-

стья работал как вол, добывая средства.

Увидал Скворцов Веру Борисовну на фиксе у знакомого профессора [1], приятеля и товарища по университету.

Эта стройная, среднего роста молодая девушка с тонкими, словно выточенными чертами серьезного и вдумчивого свежего лица, с большими красивыми серыми глазами, ясными и покойными, и пепельными волосами, была хороша собой и особенно привлекательна потому, что, казалось, и не сознавала своей привлекательности, – до того она была серьезно сдержанна и держала себя с подкупающей простотой и строгой, слегка грустной скромностью.

На Скворцова Вера Борисовна произвела сильное впечатление, и он попросил хозяина представить его молодой девушке.

После вечера Скворцов был очарован. Ему казалось, что нашел именно ту женщину и «родственную душу», о которых мечтал.

После первой встречи Скворцов искал встреч с Верой Борисовной. Влюбленный, он

забыл свою теорию брака и стал чаще подстригать бороду и взглядывать на себя в зеркало.

Прошел месяц, и Сергей Иванович попросил разрешения навестить Веру Борисовну.

– Приходите!

Низкий голос был мягкий и любезный, без подчеркивания бедной девушки, ловящей хорошего жениха. Ни малейшего вызывающего кокетства.

В первое воскресенье Скворцов сделал визит и просидел около часа. Скоро он стал чаще ходить в маленькую квартиру во дворе. Вера Борисовна жила у тетки, вдовы полковника, которая жила на скромную пенсию. Племянница ходила на службу и получала тридцать рублей в месяц.

Старушка-полковница и Вера Борисовна приветливо и гостеприимно принимали Скворцова и не показывали вида, что он влюблен как мальчишка и ходит с намерением жениться на Вере. Он был бы хорошей партией для бедной девушки. Место хорошее, есть имение в Курской губернии и пишет... И, кажется, добрый и серьезный человек.

И в этой маленькой чистенькой зале, в которой Скворцов сидел по вечерам, казалось так хорошо и уютно. И чай, и хлеб, и масло казались необыкновенно вкусными. И какая славная эта старушка, пестовавшая племянницу с тех пор, как «Веруша» осталась сиротой. Они так любят друг друга!

Скворцов видел, что Вера Борисовна с ним мила и проста как с добрым знакомым, но не больше. Отношения завязывались дружеские. С ним не стеснялись говорить о своих делах и, разумеется, не жаловались. Молодая девушка сочувственно разделяла его взгляды, охотно слушала книги, которые он читал, и серьезно внимала его речам.

Но, разумеется, Скворцов не решался сказать Вере Борисовне то, что она уже отлично понимала.

Ему тридцать восемь. Ей двадцать два.

Но наконец признался, что любит Веру Борисовну, и просил ее быть его женой.

Он застенчиво и виновато произнес эти слова и почти не сомневался, что молодая девушка откажет.

«Разве может она полюбить меня?» – ду-

мал он, не глядя на молодую девушку.

А Вера Борисовна протянула руку Сергею Ивановичу и сказала, что он ей нравится. Она согласна быть его женой.

– За такого немолодого? – проговорил Скворцов, точно не веря своему счастью.

– Да разве вы старик, Сергей Иванович? – с удивлением ответила Вера Борисовна ласково.

Скворцов был в восторге и, целуя руку Веры, торжественно обещал сделать все, чтобы Вера не раскаялась. Он верит в нее как в бога и нашел в ней родственную душу. И с необыкновенной серьезностью прибавил:

– Но если вы раскаетесь... Если полюбите другого... Не жалейте меня, Вера Борисовна! Скажите, если не догадаюсь... Клянусь, я не стану вам на дороге.

Вера крепко пожала руку Скворцова. И, оставляя свою маленькую руку в его руке, проговорила таким тихим, значительным голосом:

– Надеюсь, и вы не раскаетесь! – И снова пожала руку Скворцова.

Она, эта серьезно-спокойная девушка,

ослепительно белая и свежая, стройная и дивно сложенная, с ясным проникновенным долгим взглядом больших серых глаз, с едва уловимой манящей улыбкой, взволновала влюбленного Скворцова.

И он привлек к себе эту невесту и целовал ее полураскрытые губы. Она не уклонялась. Напротив, она отвечала долгими и горячими поцелуями. Они казались Скворцову каким-то откровением неизведанных чар, — и он пьянел.

Но Вера уж отвела губы. Лицо ее, по-прежнему ласково улыбающееся, казалось ангельски-спокойным! Только чуть-чуть зарумянилось. И, словно не замечая восторженно-осовелого лица жениха, Вера Борисовна повела речь о том, что она постарается дать счастье Сергею Ивановичу, и добросовестно призналась, что бесприданница.

Скворцов посвятил в свои дела. На службе он получает три тысячи, и литературная работа дает полторы. Кроме того, у него есть в Курской губернии имение, от которого получает до трех тысяч. И скоплено десять тысяч. Он не проживал доходов.

– И все это ваше! – восторженно прибавил Сергей Иванович.

– Куда так много?.. Я не привыкла к роскоши! – сказала Вера Борисовна, втайне обрадованная, что жених более богат, чем думала.

Нечего и говорить, что приданое Веры Борисовны было роскошное. На этом настаивал жених, и она охотно уступала. Он торопил свадьбу. Через месяц они повенчались и после свадебного путешествия за границей вернулись в уютную петербургскую квартиру, которую Скворцов так любил.

Устраивали «гнездо» вместе жених и невеста и торопились с ним, чтобы оно было вполне готово к возвращению в Петербург.

Скворцов, живший холостяком скромно и бережливо, подумывавший до встречи с Верой Борисовной оставить службу, не внушавшую честолюбивых мечтаний, и переселиться в деревню, теперь уже не думал лишиться трех тысяч казенного содержания. Он решил тянуть «лямку» и не жалел своих сбережений на такое «гнездо», чтобы оно понравилось будущей жене.

«Да и такая обворожительная женщина, как Вера, будет еще красивее в красивой рамке, нарядная и довольная комфортом», – думал Скворцов, любясь влюбленными глазами красивой невестой. И наконец до сих пор она, трудившаяся девушка, всю жизнь испытывавшая недостатки и лишения, обрадуется несравненно лучшим положением.

Несмотря на очень скромные привычки, Вера Борисовна обнаружила много вкуса и имела немало желаний, которые, впрочем,

старалась таить, чтобы не смущать влюбленного. И с наивностью ребенка, не понимающего стоимости дорогих вещей, Вера Борисовна восхищалась в магазинах красивыми и изящными вещами, обращая на них внимание Скворцова.

Он узнавал от приказчиков «серьезные» цены; Вера Борисовна изумлялась и, решительно останавливая жениха, говорила:

– Уйдем, уйдем... Не покупай, милый... Это дорого!

Но Сергей Иванович с порывистой тароватостью влюбленного человека хотел покупать, не торгуясь, то, что нравилось Вере Борисовне, и восхищался ее деликатностью, когда она, ласково улыбаясь, отговаривала его и прибавляла:

– Зачем такая роскошь? К чему?

Скворцов настаивал и умолял, доказывая, что покупать дорогие вещи выгоднее, и Вера Борисовна наконец уступала и при покупке мебели и посуды и при заказах роскошного белья и элегантных капотов и дорогих платьев.

И Вера Борисовна была довольна, хотя и

называла Сергея Ивановича мотом.

Медовый месяц в Италии пролетел как миг. Вера Борисовна находила природу прелестной, посещала картинные галереи и слушала мнения о них Сергея Ивановича, восхищалась роскошными отелями и подарками мужа.

Он вернулся в Россию, чувствуя себя помолодевшим, безумно влюбленным и счастливым.

И как же благодарила судьбу Вера Борисовна, мечтавшая о хорошей партии как об единственной карьере для бедной девушки, которая не обладает талантами.

После серенькой полубедности и завистливого раздражения против обеспеченных женщин, после унижений красивой и самолюбивой девушки, которые она испытала при ухаживании мужчин, готовых предложить любовь и средства без брака и флирт без надежды на хорошее замужество, – теперь она добилась «счастья», как называла обеспеченную и покойную жизнь, которой так упорно хотела.

Она – полная хозяйка «у себя», в своем уютном «гнезде». Она одевается хорошо и носит

красивые брильянты. Многие женщины ей завидуют. Мужчины смотрят на нее и уже не смеют ухаживать, как прежде, унижая ее. Она не знает и никогда больше не узнает озлобления и унижения бедности, зависти к счастливым и скуки бесцельной работы за тридцать рублей...

А муж?

Он порядочный и умный человек, безгранично любящий и влюбленный, и она добросовестно старалась сделать его жизнь счастливой.

И он был счастлив.

Молодая женщина умела очаровать Сергея Ивановича и хорошо понимала, силою каких именно чар она владела мужем как рабом. Но, пользуясь ими, никогда не показывала власти.

«Подчинения мужчины не любят. Ведь они считают себя господами. Пусть властительница мужа кажется ему покорной женой!»

И Вера Борисовна нередко думала с смелой откровенностью:

«Сколько нужно характера, выдержки, скрытности и лицемерия, чтобы завоевать се-

бе властное право женской победы и дать мужу уверенность в любви жены и в своем безоблачном счастье!»

Молодая женщина ценила любовь Сергея Ивановича и была привязана к нему как к человеку, который дал ей «счастье»; но любви, разумеется, быть не могло.

«Если бы Сергей Иванович был моложе и красивее!» – все чаще и чаще стала думать Вера Борисовна и, отдаваясь ласкам влюбленного мужа, она мысленно повторяла циничные слова какой-то французской актрисы о своих поклонниках: «*Ca lui fait tant de plaisir et a moi si peu de peine!*» [2].

III

В эту Страстную субботу, после вечернего чая с озабоченной хлопотами женой, Скворцов читал книгу, полулежа на широкой сафьянной тахте в своем уютном щеголеватом кабинете, полном белого света электричества в матовых лампах сверху. Пол, занавеси, сафьянная мебель, несколько библиотечных шкапов и большой письменный стол среди комнаты блистали чистотой и порядком. Этот стол, по обыкновению, убирала каждое утро Вера Борисовна в капоте, прикрытом кокетливым ярким фартуком, в белом чепце на пушистых волосах. Она сметала пуховкой пыль со стола, на котором красовалось несколько ее фотографий и изящные письменные принадлежности и разные безделки, подаренные ею в дни рождения, именин, Рождества и Пасхи. Она знала, что эти маленькие подарки очень трогали Сергея Ивановича. Вера обтирала вещи и складывала бумаги и книги на столе так же, как и лежали, одним словом – прибирала стол, как бы священнодействуя у мужского «алтаря».

Сергей Иванович, верный как влюбленный супруг и потому не имеющий каких-нибудь секретов в ящиках стола, был рад, что жена заботлива и стол его в таком образцовом порядке.

«О, пестунья моя!» – умиленно думал муж, присаживаясь по вечерам к столу за спешный доклад, о котором просил директор департамента. И Скворцова трогало, когда жена работала над каким-нибудь рукодельем или читала журнал и дарила мужа ласковым словом соболезнования, что он много работает, и одним из тех долгих поцелуев, который заставлял его повторить жене, что она «родственная душа».

На все остальное в кабинете старательно и угрюмо «наводил чистоту» Игнатий, пожилой, молчаливый и далеко не представительный слуга, который жил у Сергея Ивановича до его женитьбы и очень был доволен баринном. Он не требовал особой чистоты в квартире, не считал своего лакея лентяем и дерзким и не замечал кое-каких надбавок на цены покупок.

Но с тех пор, как явилась барыня, Игнатий

понял, что пошли «строгости» и что, по всем видимостям, барыня характерная и из-за пустой неисправки с самым кротким видом даст расчет. И Игнатий подтянулся и, избегая «придирок», стал менее ленив и дерзок.

«Черт, мол, с ней! Небось раньше пешком трепала в погоду, а теперь резонится!» – осуждал Игнатий Веру Борисовну.

Скворцову он вначале изумлялся и не без презрения думал про него:

«Кажется, господин неглупый и с понятием, а влюбившись до потерянности, в низкой покорности у жены».

И, далеко не поклонник равноправности мужей и жен, Игнатий решительно не одобрял «помрачения рассудка» в мужчине, да еще не старом. Жена что хочет, то и делает, а муж только будто глава в доме... «Все как ты, Сергей Иванович!.. Как хочешь, Сергей Иванович!.. Ловко!»

Нечего и говорить, что Игнатий, уже не пользовавшийся прежним привилегированным положением, трусил мягкой, но строгой молодой барыни и, почтительный, в душе не терпел Веру Борисовну.

Немало видел он разных «мерзостей», как называл он семейные дрязги, в разных домах, в которых служил и лакеем и камердинером. И сам неудачно выбравший себе жену и брошенный ею, Игнатий был большой скептик в суждениях о семейном счастье и лукавстве и коварстве женщин и не очень-то верил в Веру Борисовну.

Несмотря на ее неустанную внимательность к мужу и заботы о Скворцове, Игнатий все-таки подозревал, что эта всегда спокойная тихоня показывает себя примерной женой по расчету и ведет свою «линию», форменно околпачивая своего не очень-то из себя казистого и «обалдевшего» от любви супруга.

«Наверное, путается на стороне с молодым любовником!» – думал Игнатий.

Как ни следил за Верой Борисовной Игнатий, ничего не выследил. Но он все-таки продолжал не доверять ей и решил, что она очень скрытная, умная «бестия» и ловко замечает свои следы.

«Все, мол, шито и крыто. Сергей Иваныч, верно, уж записал свое имя на жену».

IV

В одиннадцатом часу в кабинет вошла своей неспешной грациозной походкой Вера Борисовна в красном капоте – «кардинале». Она была в красных, отороченных мехом туфельках на шелковых черно-розовых чулках, сквозь которые сквозила белизна ног, в папилютках у лба, с оголенными красивыми руками, с блестящими кольцами на безымянном пальце и мизинце одной руки. По обыкновению, ласковая и спокойная, она присела на тахту около мужа. От ее тела шло тонкое благоухание.

Скворцов отложил книгу и, обрадованно целуя руку жены, проговорил:

– Пасхальные заботы окончила?

– Все окончено. Умылась и зашла посмотреть, что делаешь...

– Читал, Вера.

– Интересная книга?

– Очень.

– А я целый день хлопотала... И все удалось. Пасхи, верно, понравятся. Кажется, хороши. Сама делала. Ведь ты их любишь, Сер-

гей! – прибавила Вера Борисовна.

– Милая ты моя хозяйка!

И Сергей Иванович любовался своей милой женой.

– Ты что так смотришь?

– А гляжу на мою красавицу и думаю, как я безгранично счастлив с тобой и как ты балуешь меня.

И прибавил:

– Иногда просто не верится счастью. И как же я привязан к тебе, родная, если бы ты знала!

– Знаю, милый.

– А я надоедаю признаниями? Ты не слушай их, если надоело, – промолвил добродушно Скворцов.

– Это не надоедает, – шепнула, улыбаясь, молодая женщина.

Она взглянула на это дышавшее беспредельной любовью лицо, и большая шишка на лбу, как всегда, втайне раздражала Веру Борисовну. Раздражали ее и эти постоянные признания в серьезном и умиленном тоне. Ей казалось, что после пяти лет можно бы и несколько успокоиться на лаврах.

И, отведя глаза, Вера Борисовна сказала:

– А я немного растрянжирила, Сергей, к праздникам... Не более ста рублей... А у тебя много предстоит праздничных?

– Рублей пятьдесят, как всегда...

– Ничего не ждешь к празднику?

– Чего же?

– Звезды...

– Ты разве хочешь, чтобы я имел звезду? – шутливо спросил Сергей Иванович.

– Зачем мне она? Но все-таки...

– Честолюбива за меня?

– Пожалуй... отличие...

– Я ведь не честолюбив, Вера...

– Но ты так много работаешь. Министр мог бы признать это...

– Он знает, что служу ради средств, и средства мне дает... И награды назначает денежные... Это умно... Разве не так, Вера?

– Конечно... А ты не устаешь?

– Отчего ты спрашиваешь? Или стареюсь? – с тревогой спросил муж.

– Не кокетничай, пожалуйста... Точно я не знаю, какой еще ты молодой! – чуть слышно проговорила Вера, улыбаясь глазами.

Она знала, что это был самый приятный комплимент влюбленному пожилому мужу, и видела, как он радостно просветлел, когда ответил:

– И если душа во мне молода, Вера, то ты, моя чаровница... Ты...

– Но меня все-таки беспокоит, что ты так работаешь в министерстве из-за меня... И если ты устаешь, если захочешь бросить службу, можно уехать в имение. Я хоть и не привыкла к глуши, но для тебя...

– И не устаю, и никуда не хочу отсюда... Тебе здесь хорошо, – и я счастлив. Точно не знаешь, милая! – порывисто воскликнул Сергей Иванович.

Разумеется, Вера Борисовна видела, что муж и утомляется и скрывает от нее недомогание после службы, что он с удовольствием вышел бы в отставку и поехал бы искать «идиллию» в имение вместо того, чтобы изнывать над работой, которая ему не нравилась; но она так же хорошо знала, что он не выйдет в отставку и не уедет из Петербурга, который ей нравится и где муж хорошо зарабатывает.

Да и не похоронить же себя в деревне?

И Вера Борисовна уже более не говорила об утомлении Сергея Ивановича. Она сказала о том, что завтра у них, верно, будут обедать брат Сергея Ивановича, две знакомые барышни и двоюродный ее брат, студент.

– А разве Басков не будет? Не звала? Ведь он всегда в этот день у нас обедает... Или мой приятель тебе надоел?..

– Я ничего против него не имею, Сергей... Он привязан к тебе и любит поговорить с тобой. Верно, придет поздравить, и мы оставим его обедать... Ну, до свидания... Пора одеваться и ехать к заутрене... Ты ведь не поедешь со мной?

– Прости... Не поеду... Ты возьмешь Игнатия?..

– Зачем? До «Уделов» два шага. Погода прелестная, и я дойду. А Игнатий должен накрыть пасхальный стол.

С этими словами Вера Борисовна пошла одеваться.

Через полчаса она пришла показаться в белом платье.

– В первом часу вернусь из церкви. Похри-

стосуемся, разговеемся и скорее спать. Я устала сегодня!

Но Вера Борисовна не казалась утомленной.

Необыкновенно интересная и блестящая в своем нарядном платье, лиф которого обливал красивые формы бюста, она, обыкновенно спокойная, была оживленнее. Ее лицо слегка зарумянилось, и большие серые глаза блестели.

– До свидания, Вера! И какая же ты красавица! – будто подавленный от восторга произнес Сергей Иванович.

Она улыбнулась и торопливо вышла.

Скворцов проводил жену и, вернувшись в кабинет, вынул из ящика письменного стола футляр, полюбовался брильянтовыми серьгами, которыми похристосуетя с женой, и, радостный, что обрадует Веру своим роскошным подарком, положил футляр на стол и, усевшись на тахту, принялся за книгу.

Прошло четверть часа, и Скворцов поморщился. Он перестал читать и озабоченно потрогал бок.

Он почувствовал тупую боль. Она не проходила. Мнительный и особенно заботившийся о своем здоровье с тех пор, как женился, он давно уже лечился массажем и душами, ходил пешком и часто советовался со своим старым приятелем, Дмитрием Александровичем Басковым, известным врачом, который раза два в неделю приходил к Скворцову обедать.

Этот веселый и остроумный доктор, крепкий, здоровый и румяный, с большими бойкими голубыми приветливыми глазами и крупными белыми зубами, рассказывал за обедом анекдоты и свои наблюдения над пациентами. Болтал он преимущественно с Сергеем Ивановичем, с которым был давно на «ты», и мало обращал внимания на его красивую жену. Он громко и вкусно смеялся, ел за двоих и выпивал бутылку хорошего красного вина.

После обеда он шел в кабинет выпить кофе с fine champagne [3], выкурить тонкую сигару и узнать о здоровье приятеля. Но, найдя, что он в «порядке», через полчаса уходил, уготивши иногда, в качестве «нераскаянного холостяка», каким-нибудь скабрёзным анекдотом или откровенным добродушным признанием, что хоть супруга Сергея Ивановича и прелестная женщина, но – «уж ты не сердись, влюбленный муж» – не его романа.

И Сергей Иванович не только не сердился, но, крепко пожимая широкую руку Баскова, просил его не забывать и чаще заходить обедать.

Скворцов взглянул на себя в зеркало. Его худое длинное лицо с коротко остриженными волосами – ничего себе. Свежести нет и цвет лица «петербургский» – желтоватый, без намека на румянец, – но болезненного и осунутого вида нет. Сергей Иванович приложил тонкую выхоленную руку, с безукоризненными ногтями, к покатоному, несколько облысевшему лбу: жара, кажется, нет. Значит, процесса в боку не может быть... Но вместо тупой боли начались покалывания... Это раздражает и

тревожит Скворцова... И мнительность растет... Он как нарочно вспоминает о недавней смерти одного сослуживца. Был здоров и вдруг почувствовал боли в боку, – и через три месяца похоронили от скоротечной чахотки...

«Всякую болезнь следует захватить в начале!» – думал Скворцов и, начинавший трусить, решил тотчас идти к Баскову.

Он живет близко и, наверное, дома; читает медицинские книги – не отстает от науки и после одиннадцати к больным не ездит. Он выслушает легкие Сергея Ивановича и, вероятно, объяснит эти покалывания в боку и успокоит. Успокоится и Вера. Ведь она так заботится об его здоровье... еще только что тревожилась: не устает ли он от занятий...

– Милая! – умиленно проговорил Сергей Иванович.

И вспомнил, что Вера забыла пригласить обедать завтра Баскова... Она молодец: умеет угостить хорошим обедом... Басков любит поесть и собеседник приятный... Форель и индейка, начиненная трюфелями, это умно придумала «Верушка», – про себя назвал Скворцов жену, не называя громко ее этим умень-

шитильным именем: оно ей не нравится.

Скворцов позвонил Игнатия и велел подать зимнее пальто.

– Теплая погода, осмелюсь доложить, Сергей Иванович! – предупредил Игнатий.

– Подайте все-таки зимнее пальто... Погода капризная... Надо беречься, Игнатий! – приветливо и озабоченно ответил Скворцов и, одевшись, вышел.

VI

Погода в эти апрельские дни стояла в Петербурге на редкость.

Ночь под Светлый праздник была тихая, теплая и лунная. В воздухе пахло весной. И Скворцову казалось, что бок сильнее побаливает.

Он чувствовал себя несправедливо обиженным, словно бы виноватым перед молодой женой, и в голове его бродили грустные, мнительные мысли о будущем. Он жалел себя вперед. Сергей Иванович так счастлив с Верой, он так желает здоровья – и что может случиться... Что если он серьезно заболеет и...

Скворцову стало жутко, страшно при мысли, что Вера останется вдовой... Сколько тревог и горя бедной женщине... Она так привязана к нему... Сколько нежной любви... По крайней мере Вера будет обеспечена. Завещание давно написано: имение перейдет к ней, и небольшой пенсион получит...

«Какой вздор лезет в голову!» – мысленно проговорил Сергей Иванович.

В зимнем пальто ему было жарко, и Сквор-

цов шел по утихавшей улице медленным шагом, чтобы не разгорячиться на скорой ходьбе. «Простуда так опасна, и Петербург такой подлый по климату», – подумал Сергей Иванович.

Он уехал бы из Петербурга на юг, но Вера не любит провинции, и он не говорит об этом... Он ведь дорожит ее счастьем. Пока здоровье позволяет ему жить в Петербурге, он не оставит службы.

В голове Скворцова пронеслась горделивая мысль собственника – мужа такой прелестной женщины. Но его самолюбию стало обидно, когда он вспомнил, что у них детей нет.

«Хоть бы один ребенок – сын, конечно!» – мечтал муж, считая, что жизнь и его и жены была бы еще полнее и счастливее. Вера такая цветущая, а бездетна...

И Скворцов решил, что и об этом надо как-нибудь поговорить с Басковым.

Через четверть часа Сергей Иванович вошел в подъезд и обрадовался – покалываний в боку нет. Поднялся во второй этаж – никакой боли. Грудь дышит свободно...

Обрадованный и сразу ободрившийся, Сер-

гей Иванович подошел к двери квартиры приятеля. Дверь приоткрыта.

Он все-таки надавил звонок. Прошла минута, другая: никто не являлся.

Скворцов сообразил, что прислуги, верно, нет. Он вошел в прихожую и прихлопнул двери.

Гостиная была освещена. В комнатах тишина.

Скворцов прошел в освещенный кабинет и так и замер, точно увидел нечто неожиданное и ужасное.

Он мертвенно побледнел. Ни один мускул не двигался на его точно парализованном лице, — только губы судорожно подергивались. Глаза с расширенными зрачками неподвижно остановились на кресле у письменного стола.

Там, словно бы брошенная, лежала нарядная суконная ротонда [4] и на ней белая шляпка.

Прошла секунда, другая. Скворцов немного пришел в себя. Казалось, луч надежды блеснул в его глазах.

И, осторожно ступая по ковру, покрывав-

шему всю комнату, Сергей Иванович приблизился к столу и стал осматривать ротонду.

«Быть может, похожая?» – пронеслось в голове Скворцова.

О, как ему хотелось, чтобы он ошибся!

И он дрожащими руками ощупывал ротонду и нащупал маленький бумажник. Достал и заглянул на визитные карточки: Вера Борисовна Скворцова.

Но ему теперь казалось мало доказательств.

И, словно подкрадывающийся вор, он пробрался к запертым дверям спальни и, весь вздрагивающий, точно его било в лихорадке, сдерживая дыхание, он прислушивался с больным и жадным любопытством. И воображение рисовало жену в объятиях этого подлеца.

До его слуха донеслись веселые, счастливые голоса...

Сергей Иванович слушал. И его охватывала и обида и смертельная тоска...

«Какая лживая!» – подумал он. Злобное чувственное оскорбление душило его. Но он не отходил от двери.

За ней голоса смолкли.

Скворцов неосторожно задел ручку двери.

– Кто там? – раздался вдруг басистый, раскатистый голос Баскова.

И не успел Скворцов сделать несколько шагов, как в кабинет вошел Басков в наброшенном на сорочку халате и на босу ногу.

– Ты? – изумленно произнес Басков.

Лицо его поглупело от выражения приниженной виноватости и тупого страха, словно бы у собаки, пойманной на преступлении хозяином. Басков даже не пожал руки приятеля.

Не протянул руки и Скворцов.

Растерянный и сам испуганный, он с особенной любезностью проговорил:

– Это я... Не дозвонился... Дверь была незаперта... Зашел звать тебя завтра обедать... Индейка с трюфелями... Придешь?

– Спасибо, голубчик... Непременно!.. – сконфуженно ответил Басков.

И, взглядывая на страдальчески улыбающегося Скворцова и потом на ротонду и шляпку, доктор быстро оправился и с добродушной шутливостью прибавил, понижая голос:

– А ты, Сергей Иванович, застал меня врасплох. Одна француженка, Берта, у меня... Дуррак-лакей не запер двери... Ну, да ты... приятель...

– Извини, что помешал... До свидания, Дмитрий Александрович!

Басков крепко пожал руку приятелю и сказал:

– А тебе надо прописать бром... Устал... Осмотрю тебя на днях... Мое глубочайшее почтение супруге!.. – прибавил он почтительным тоном.

И провел Скворцова до дверей.

Через пять минут Сергей Иванович на извозчике приехал домой.

Он прошел через столовую, где пасхальный стол уже красовался во всем блеске, и бросился на тахту в кабинете.

Безнадежный сидел он, и казалось ему, что жизнь теперь не нужна. Он думал, что такого несчастного и так жестоко обманутого нет на свете, и не мог решить, как ему поступить. Впереди одиночество... Тоска!.. Развод или разойтись?.. Разумеется, он сегодня же будет спать в кабинете!..

– И как она войдет в дом? – прошептал Сергей Иванович.

Но в первом часу Вера Борисовна вошла как ни в чем не бывало. Красивая, ослепительная, спокойная и ласковая, ясно глядевшая на мужа своими нежными глазами, она подошла к Сергею Ивановичу и проговорила:

– Христос воскрес!

Он сконфуженно ответил:

– Воистину!

И Вера Борисовна горячо похристосовалась.

Сергей Иванович, ни слова не говоря жене, подошел к столу и подал жене футляр.

– Милый! – шепнула Вера Борисовна, взглянув на брильянты, и, довольная и счастливая, она прильнула к его губам.

Сергею Ивановичу показалось, что он был во сне.

– Пойдем... Съешь что-нибудь... Не болен ли ты?.. Ты мрачный и бледный... Что с тобой?

– Нездоровилось... Ходил к Баскову...

– И что же он сказал?..

– Не смотрел... На днях...

– Скорей ляжем спать, и ты отдохнешь...

И Вера Борисовна, взглянув на мужа, поняла, что власть к ней вернется.

Действительно, Сергей Иванович не решился остаться без «родственной» души. Он скоро успокоился, постарел, стал более философом и ни разу не проговорился о том, какой сон видел он в ту пасхальную ночь. А Вера Борисовна стала еще ласковее и осторожнее.

1900

1

...на фиксе у знакомого профессора... – то есть на журфиксе. Журфикс – постоянные дни для приема гостей (*франц.*).

[^^^]

Это доставляет им такое удовольствие, а мне так мало стоит (*франц.*) Источник этой популярной остроты, встречающейся и в других произведениях русской литературы последней трети XIX века (например, в «Братьях Карамазовых» Ф.М.Достоевского) – эпиграмма на известную французскую актрису Ж.-К.Госсен (1711–1767). Ее прозаический перевод: «Нежная Госсен, как! Так молода и так прекрасна, и ваше сердце уступило первому признанию! – Что же вы хотите, это доставило ему такое удовольствие, а мне стоило так мало». (Цит. по: Ф.М.Достоевский. Полн. собр. сочинений в тридцати томах, т. XV, Л., 1976, стр. 594, примечания.)

[^^^]

КОНЬЯКОМ (*франц.*)

[^^^]

4

Ротонда (устар.) – женская теплая верхняя одежда в виде накидки без рукавов.

[^^^]